

умело пользовался тот обстановкой, настроениями солдат, расположенных больше к Кратеру, чем к нему, и менее всего к Мелеагру. Автор справедливо отмечает, что Пердикка, распределив компетенции хилиарха и исполняющего обязанности простата, создал на первый взгляд иллюзию демократического разделения власти. Фактически же неразрешимость некоторых существенных вопросов, связанных с верховным командованием и царским войском, с неизбежностью должна была привести к конфликтам. Поэтому автор склонен рассматривать борьбу до 321 г. отчасти как конфликт между двумя крупными военачальниками — Кратером (за его права) и Пердиккой (за сохранение достигнутого). Нам кажется, что с такой трактовкой первого этапа борьбы диадохов вполне можно согласиться, учитывая, что это лишь один из возможных вариантов интерпретации. Ценность книги Шахермейра еще и в том, что она побуждает к размышлениям: не стал ли Александр при жизни помехой для своего окружения, не были ли обречены на гибель старая македонская монархия и ее армия? Вовсяком случае не подлежат сомнению три бесспорных факта: 1) обострение политической обстановки в последний год правления царя, 2) полный отказ соратников Александра от его политики сразу после его кончины, 3) использование версии об отравлении царя в пропагандистских целях различными группировками ⁵.

Б. Функ

⁵ Об этом см. B o s w o r t h, ук. соч., стр. 112—136.

F. KIECHLE, *Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im Römischen Reich*, Wiesbaden, 1969, 188 стр.

Как уже не раз отмечалось в советской и зарубежной литературе, современная западная историография, особенно начиная с 50-х годов, проявляет значительный интерес к социально-экономическим аспектам истории античной Греции и Рима и, в частности, к одной из коренных проблем этой истории — проблеме рабства. В общих чертах все более и более определенно намечается внутренняя дифференциация западной науки о древнем мире по этому кардинальному вопросу, что ведет к утверждению новых точек зрения и концепций. Нельзя в связи с этим не отметить, и это показательно, неоспоримое влияние на ход этого процесса марксистской, и в частности советской, историографии античности ¹. Оно сказывается не только на формировании марксистского течения в западной историографии, но и в значительной степени на эволюции собственно буржуазной историографии, находя выражение и в полемических выступлениях некоторых ее представителей против ученых социалистических стран. В этом плане весьма характерна рецензируемая работа, изданная третьим томом уже известной советскому читателю серии «Исследования по античному рабству», предпринятой с 1967 г. комиссией по древней истории Майнцской Академии наук и литературы ².

Главной целью работы Ф. Кихле, по его собственным словам (см. предисловие и введение к книге), является «опровержение» марксистской точки зрения на рабство как на основную причину технического застоя в античном мире и, соответственно, экономического кризиса рабовладельческого способа производства. Точку зрения, с которой Ф. Кихле берется полемизировать, он понимает, мягко говоря, весьма своеобразно.

¹ Успехи ее сегодня уже не могут отрицать буржуазные историки, см. J. V o g t, *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*, Wiesbaden, 1965, стр. 54.

² Выходит с 1967 г., до которого работы этой тематики издавались в серии «Abhandlungen» Майнцской Академии. С I томом серии «Forschungen zur antiken Sklaverei» советский читатель уже знаком по рецензии Е. М. Штаерман (ВДИ, 1970, № 1, стр. 167—171) на кн. Н. C h a n t r a i n e, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur*, Wiesbaden, 1967.

разно, начиная свое «Введение» с утверждения, будто для марксистов понятие способа производства покрывается понятием техники. Если бы, вместо того чтобы приводить несколько выхваченных из контекста цитат, Ф. Кихле дал себе труд изучить хотя бы основные работы классиков марксизма, он бы знал, что техника в собственном смысле слова, т. е. орудия производства и энергетические ресурсы, не совпадает даже с понятием производительных сил, включающих также оперирующих орудиями производства людей, их навыки, квалификацию, организацию их труда. Тем более не «покрывает» понятие «техники» понятия способа производства, представляющего собой систему производственных отношений³, включающую в себя не только форму эксплуатации — в данном случае рабство — но и формы собственности, и все отношения, складывающиеся на основе процесса производства, обмена и распределения. Знал бы он также, что, согласно марксистскому учению, производительные силы и производственные отношения находятся в неразрывном диалектическом единстве, и первые не только обуславливают вторые, но и испытывают постоянно их обратное воздействие. Тогда он не считал бы столь неотразимым неоднократно выдвигаемый им довод о том, что не только в античном мире, но и во многих докапиталистических обществах техника была застойной, а появлявшиеся время от времени изобретения не внедрялись в производство. Тот факт, что лишь при определенных производственных отношениях могут быть внедрены и использованы такие изобретения, тогда как в обществах с например феодальным базисом даже позаимствованная в капиталистических странах техника остается без применения, неоднократно подчеркивался классиками марксизма. Ф. Энгельс в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу», возражая Дюрингу, считавшему, что экономический прогресс зависит не от суммы средств производства, а только от технических знаний, писал: «Лежащие в Ниле паровые плуги хедива и бесполезно стоящие в сараях молотилки и тому подобные орудия русских дворян доказывают это. И для пара существуют исторические предпосылки, которые, правда, сравнительно легко создать, но которые все же должны быть созданы»⁴. Достаточно известно, что В. И. Ленин, характеризуя крепостническую систему, указывал на распределение земельной собственности, дававшее помещикам возможность в определенной, специфической форме присваивать прибавочный продукт крестьян, на натуральный характер хозяйства, на прикрепление крестьян к земле и их личную зависимость от помещика, а затем уже на низкое, рутинное состояние техники, обусловленное всей данной системой⁵. Примеры соответственных высказываний классиков марксизма можно было бы значительно умножить. Но уже приведенные показывают, сколько Ф. Кихле знаком с марксистским диалектическим методом подхода к анализу социально-экономических процессов. Если он хотел доказать, что античный рабовладельческий способ производства не препятствовал техническому прогрессу, то ему следовало рассмотреть этот способ производства как единое социальное целое, как единый «социальный организм» (пользуясь терминологией В. И. Ленина), т. е. проанализировать сущность античной формы собственности в ее развитии, обусловленную ею форму извлечения прибавочного продукта, организацию процесса производства и его цель, характер обмена и распределения, типы общественных связей, — словом, все компоненты производственных отношений в их взаимодействии и взаимосвязи, а затем уж доказывать, что вся охарактеризованная таким образом социальная система стимулировала технический прогресс.

Но и в этом случае наш оппонент ломился бы в открытую дверь, так как ни основоположники марксизма, ни марксистские историки никогда не отрицали огромных достижений античного мира во всех отраслях материальной и духовной культуры, в том числе в науке и производстве. В старом предисловии к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельс говорит о плодотворности изучения современными естествоиспытателями, наряду с диалектикой Гегеля, диалектического мышления древнегреческих ученых и философов⁶. А в самом тексте «Анти-Дюринга» он непосредственно связывает достижения ан-

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 221—222.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 654.

⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 41—46.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 369—370.

тичного мира с рабством⁷. Ф. Кихле, очевидно, не разбирается в общеизвестном марксистском положении о первоначальном, обеспечивающем развитие формации, соответствии производственных отношений уровню развития производительных сил и о нарушении этого соответствия как причине рано или поздно наступающего кризиса данной формации, прекращения прогресса, а иногда и регресса в ее базисных и надстроечных системах⁸. Рабство не всегда было тормозом развития производительных сил, но стало их тормозом тогда, когда производительные силы (во всей их совокупности, а не только техника) развились настолько, насколько это было совместимо с рабовладельческим способом производства, и возможности данного «социального организма» оказались исчерпанными. Странно, что такие азбучные истины приходится разъяснять человеку, взявшемуся рассуждать о марксистской точке зрения на рассматриваемую проблему.

Но, как известно, факты — упрямая вещь. И обращаясь к фактам для подтверждения своей концепции, автор рецензируемой книги по ряду конкретных вопросов приходит к выводам, по существу повторяющим то, что давно известно столь свысока третируемой им марксистской историографии. Прогресс производства, да и сама идея прогресса, по его наблюдениям, существовали до конца I—начала II в. Затем творческая потенция истощается. Как известно, историки-марксисты также датируют начало кризиса рабовладельческого способа производства первой половиной II в. К онечно, Ф. Кихле ищет другое объяснение явлениям, видя его в духовной усталости общества, пресыщенного, считающего, что все возможное уже достигнуто, а потому утратившего импульс к дальнейшему творчеству. Но такие настроения были не причиной, а одним из многих симптомов надвигающегося кризиса⁹. К тому же, так как ни одно общество не может существовать без производства, то, несмотря на пагубный, с точки зрения Ф. Кихле, уклон к литературно-риторическому образованию, во все времена находилось достаточное число более или менее близких к практике людей, искавших выхода из создавшегося положения. Отсюда острота «рабского вопроса» во времена Империи — вопроса, при попытках решения которого как практики, так и теоретики исходили именно из враждебных отношений между рабами и господами и, в огромном большинстве случаев, из нежелания рабов работать с той тщательностью и инициативой, которых требовал достигнутый к тому времени уровень производства. Соответственные мысли мы найдем у самых разных авторов тогдашнего времени, и не известно почему Ф. Кихле приписывает их только марксистам. Обострившиеся противоречия между рабами и господами и падение рентабельности рабовладельческих хозяйств связаны отнюдь не с одной техникой, а со всем усложнением производственного процесса. Сама техника, кстати сказать, как показал И. Колендо¹⁰, развивалась по-разному в хозяйствах различного типа, специфику каждого из которых Ф. Кихле совсем не учитывает.

Его внимание вообще обращено прежде всего не на основную отрасль римской экономики — сельское хозяйство, а на ремесло. Для ремесла, которое римские авторы, столь много писавшие о сельском хозяйстве, лишь бегло иногда упоминают, мы не имеем их прямых свидетельств о качестве рабского труда и трудностях организации основанного на нем производства. Приходится исходить из косвенных данных. Ф. Кихле основной упор делает на усовершенствования в ряде отраслей ремесла, на высокое качество ремесленной продукции и на появление крупных мастерских типа мануфактур. Отсюда он заключает, что рабы были заинтересованы в результатах своего труда в достаточной мере, чтобы производить высокохудожественные и сложные изделия, и что производство, хотя и было основано на рабском труде, все же дошло до той мануфактурной стадии, которую классики марксизма считали исходным пунктом развития ка-

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 185.

⁸ На эту несообразность справедливо обратил внимание К. Йоне в своей рецензии на книгу Ф. Кихле («Кlio», 1972, 54, стр. 380).

⁹ Об этом также пишет К. Йоне (там же, стр. 381).

¹⁰ J. K o l e n d o, Postep techniczny a problem sely roboczej u rolnictwie starozytnej Italii, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

питализма, якобы не учитывая, что мануфактуры были и в древности, где, по мнению Ф. Кихле, условия для генезиса больших мастерских были даже благоприятнее, так как с детства дисциплинированные рабы работали лучше, чем наемные рабочие эпохи начального капитализма (см. «Выводы» ко второй главе книги).

Что касается последнего пункта, то К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно упоминали о мануфактурах в Греции и Риме¹¹. Но для того чтобы понять, почему эти мануфактуры они не считали полностью аналогичными раннекапиталистическим, следует значительно более глубоко, чем это, видимо, сделал автор рецензируемой книги, разобраться в марксистском учении о капитализме и его принципиальном отличии от других социально-экономических формаций.

Что касается аргумента о высокой технике ремесленного производства, несовместимой будто бы с незаинтересованностью рабов в результатах их труда, то здесь следует учесть ряд оставленных автором без внимания моментов. Во-первых, высококвалифицированные мастера городских мастерских находились на особом положении. Они сплошь да рядом становились инстинкторами, или получали мастерские в качестве пекулиев, или, наконец, их труд и произведенный ими продукт особо оплачивался владельцами. Как можно судить по штемпелям на керамике и по надписям ремесленников, такие мастера в огромном большинстве случаев становились отпущенниками, компаньонами своих патронов или заводили собственное дело. Естественно, что их материальная заинтересованность и, соответственно, инициативность во всяких усовершенствованиях (о чем упоминает и Сенека — *Ep. ad Lucil.*, 91) были значительно большими, чем у рядового сельского раба, и, вероятно, в этом плане их следует скорее сравнивать с виллами и другими членами поместной администрации. Во-вторых, даже менее квалифицированные городские ремесленники пользовались значительно большей самостоятельностью и имели больше шансов на улучшение своего положения, чем сельские рабы. Они не работали закованными, не содержались в эргастулах, общались постоянно со свободными, состояли с ними в одних культовых и погребальных коллегиях, часто получали право сдавать на сторону свой труд, оставляя себе часть заработка, что увеличивало шансы на освобождение, и недаром ссыла на виллу была для городского раба устрашающим наказанием. В-третьих, как мы можем заключить на основании керамических клейм, когда предприятие становилось слишком большим, например в результате концентрации многих мастерских в одних руках, оно распадалось на сдававшиеся в аренду и субаренду части, выйдя за определенные размеры, оно становилось нерентабельным, как и чрезмерно разросшееся земельное владение, основанное на рабском труде, поэтому его и дробили на parcelлы колонов. Причина здесь, видимо, одна — надзор за массой рабов требовал такого штата администрации, который поглощал прибавочный продукт. И хотя Ф. Кихле считает, что с точки зрения отношения к труду не было разницы между рабами и наемными рабочими зари капитализма, именно в различии между первыми, трудившимися под действием внеэкономического принуждения, стоявшими вне конкуренции, и вторыми, работавшими в результате принуждения экономического, в условиях конкуренции и угрозы безработицы¹², и следует искать ответа на вопрос, почему античная и раннекапиталистическая мануфактура пошла разными путями, причем первая после недолгого расцвета распалась на более мелкие, легче управляемые мастерские.

Проанализировать все эти факты Ф. Кихле не счел нужным, опровергая аргументы научных противников, так сказать, мимоходом. Очень характерно для его метода, что одно из «противоречий» у марксистских историков он хочет видеть в констатации ими наличия в античном мире свободных ремесленников и земледельцев, которое, по его мнению, не согласуется с ведущим, определяющим характером рабовладельческого способа производства (стр. 5). Похоже, с его точки зрения, считать какой-нибудь способ производства определяющим можно только, если все общество распалось на два

¹¹ Например, К. Маркс, *Капитал*, т. II, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 544—546; Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 119 и 148.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 325.

характерных для этого способа производства класса. То, что такого примера в истории вообще не было, что классики марксизма всегда учитывали и неосновные классы и социальные слои, его не смущает. Не знает он и мыслей В. И. Ленина о том, что не численность того или иного класса определяет способ производства и не наличие мелких, живущих своим трудом собственников, которые имелись во всех формациях, а тот тип производства, который возникает в результате разложения слоя этих мелких собственников — индивидуальных или объединенных в общины¹³. А что разложение класса объединенных в античную гражданскую общину собственников средств производства имело своим результатом развитие рабовладельческого хозяйства, вряд ли станет отрицать даже антимарксист.

Таковы некоторые общие замечания по поводу подхода Ф. Кихле к вопросам, о которых он в своей книге берется судить.

Прежде чем перейти к конкретному анализу работы, следует добавить еще несколько замечаний. Как известно, большинство работ майнцской серии выдержано в морально-этическом плане, а это неизбежно влекло их авторов прежде всего к таким проблемам, которые связаны с определением места и положения не столько класса, сколько сословия рабов в социальной структуре античного мира, выявлением соотношения между статусом свободного гражданина и статусом не только бесправного, но и вообще не являющегося субъектом права раба. Эта линия наиболее ярко, пожалуй, отразилась в работах Лауффера¹⁴, хотя именно в его работе¹⁵ наибольшее внимание уделено производственным аспектам проблемы рабства. В этом смысле работа Ф. Кихле, и это становится очевидным уже с ее первых страниц, резко отлична от остальных. Автор не только не пытается решать, но даже и не ставит перед собой подобных вопросов, хотя в то же время обойти эти вопросы молчанием все же не может. Он рассматривает проблемы истории Рима эпохи Империи прежде всего в технико-экономическом аспекте.

Основной вопрос, которым задается автор, выглядит у него так: был ли рабский труд помехой или даже тормозом для технического прогресса в эпоху античности, и, в частности, правомерно ли такое утверждение для периода ранней Римской империи при «определяющей роли» (стр. 1) рабства в судьбах хозяйственной жизни? А если в те или иные периоды Римской империи элементы стагнации и технического застоя действительно налицо, то что этому причина в том случае, если мы откажемся ее видеть в рабстве (стр. 4). Такая постановка вопроса, разрывающая причинно-следственные связи между различными периодами, антиисторична и неправомерна сама по себе.

Попытаемся, однако, проследить логику аргументации автора. При этом мы выделем те разделы и главы работы, которые представляются с этой точки зрения наиболее показательными.

Большое внимание Кихле уделяет обзору значительных технических достижений периода с I в. до н. э. до поздней античности. Особенно большого развития достигло в этот период строительное дело и, в частности, широкое внедрение древними зодчими как новых конструкций (куполы и своды), так и использование новых более эффективных видов строительного материала. Революционизирующее значение как для строительного искусства, так и для создания гидросооружений имело использование «гидравлической смеси», которая мало чем отличалась от современного бетона. Появление этого строительного материала, о котором с восхищением отзывался Витрувий, явилось предпосылкой для огромной строительной деятельности в период Империи, «с ним началась новая эпоха в строительном деле» (стр. 12). «Римские строительные сооружения

¹³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 94, 98, 167—168, 175—177, 308—309; т. 3, стр. 233, 506—507; т. 5, стр. 114; т. 13, стр. 18, 26; т. 27, стр. 219—220.

¹⁴ S. L a u f f e r, Die Bergwerkssklaven von Laureion. I Teil: Arbeits- und Betriebsverhältnisse, Rechtsstellung, 1955; II Teil: Gesellschaftliche Verhältnisse, Aufstände, 1956; он же, Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt, «XIe-Congrès internationale des Sciences Historiques», Stockholm, 1960.

¹⁵ Речь идет о первой его работе.

периода Империи дают возможность отчетливо представить себе возрастающее мастерство техники сооружения сводов» (стр. 13). Наивысшего расцвета как отдельные элементы, так и в целом архитектурное искусство, видимо, достигло во время Адриана (стр. 14). В истории римской архитектуры это время имеет эпохальное значение.

Другим значительным достижением этого времени является создание новой системы отопления, во многом способствовавшей распространению римской культуры «на север от Альп», без чего немислима была в этих климатических условиях «цивилизованная» по представлению римлян жизнь. Однако само изобретение не было следствием освоения римлянами новых земель в Западной и Центральной Европе, а относится, видимо, к 90-м гг. до н. э. и преследовало чисто коммерческие цели; судя по названию (*hypocaustum*), оно было сделано греками «в какой-либо области Восточного Средиземноморья» (стр. 16). В то же время источники не свидетельствуют, пишет далее Кихле, что оно было внедрено на эллинистическом Востоке раньше, чем в Италии. Здесь инициатором внедрения гипocausta стал Г. Сергей Ората, «воплощение еще относительно редкого в Риме для I в. до н. э. типа предприимчивого дельца» (стр. 17). Данные античной традиции рисуют его как ловкого и удачливого спекулянта, который значительно преуспел в области выращивания устриц и рыб, применив рационализацию и технические новшества в своем производстве, которое приносило ему солидный доход. Он же применил упомянутое новшество для обогрева ванн, положив тем самым начало строительству знаменитых позднее терм; однако применение этого способа для отопления стен при помощи системы колодцев относится ко времени Сенеки, во всяком случае к рубежу I—II вв. н. э. (стр. 18—19) ¹⁶.

Как замечает автор, «не более жесткий климат Центральной Европы привел к развитию и усовершенствованию гипocausta римскими архитекторами, а стремление к утонченному и более роскошному образу жизни вызвало ее в Италии к жизни как типичное порождение римской цивилизации периода поздней Республики и Империи». Будучи поначалу средством удовлетворения запросов жизни римской городской цивилизации (в чем и заключалась роль терм как общественных заведений), это изобретение вскоре нашло широкое использование и в частных *villae urbanae* и *villae rusticae* (стр. 20). Таким образом, именно на этом примере, независимо от намерений автора, ясно видно, что и весьма важные изобретения могли служить потребностям целям, а не целям технизации непосредственно производственного процесса и его усовершенствования.

К другим достижениям рассматриваемого периода Кихле относит изобретение винта и винтового пресса. Своего наивысшего распространения это изобретение достигло в области военной техники (штурмовая лестница Битона) и маслодавильном производстве (винтовой пресс). Тем не менее, что касается винта, то, несмотря на изобретение бесконечного винта уже в III в. до н. э. Архимедом (о чем единодушно свидетельствуют античные авторы — например, *Diod.*, I, 34, 2) и изобретение шестерни (видимо, во II—I вв. до н. э.), отсутствие такого важного элемента системы, как гайки ¹⁷, и во II в. до н. э. существенно ограничивало применение винта в военной технике — так, например, изобретение «*sambyke*» относится к более позднему времени (стр. 20—25).

Рассматривая данные античных авторов — от Катона до Витрувия и Плиния Старшего, Кихле приходит (стр. 25—30) к выводу, что долгое время конструкция маслодавильных прессов не претерпевала особых конструктивных изменений и представляла собой приспособление, где сила давления достигалась при помощи системы рычагов и грузов. «Важнейший шаг, какой представлял собой для истории развития

¹⁶ Интересны приведенные Кихле сообщения о том, что топливом для построенных после 197 г. Септимием Севером терм в Византии, которыми одновременно могли пользоваться до 2000 (!) человек, служила нефть («*medisches Feuer*»), доставлявшаяся из «внутреннего» моря — Каспия (стр. 20).

¹⁷ Здесь Кихле полемизирует с К. Крафтом (К. Krafft, «*Technikgeschichte*», 33, 1966, стр. 140 сл.), который считал возможным уже для этого времени говорить об этом важном изобретении (Kiechle, стр. 22).

как пресса, так и винта, переход к винтовому прессу, был, очевидно, сделан только около середины I в. н. э. Его значение прежде всего в том, что для этого было необходимо наличие настоящего нарезного гаечного приспособления, изобретение которого, следовательно, нужно также отнести к этому времени» (стр. 30—31). Причем важно, что применялись эти прессы не в больших, а в малых (и средних ¹⁸, по-видимому. — А. А.) предприятиях (хозяйствах) — при большой мощности прессов не достигалось нужное давление, а потому и в более крупных по размеру предприятиях устанавливалось не один, а несколько менее мощных прессов. Используемая для таких винтовых прессов гайка изготовлялась из двух больших слагающихся половин и таким образом облегал винт. Своего завершения процесс развития винтовых прессов достиг к середине I в. н. э. «На этом развитии античных прессов закончилось — все возможные к применению типы имелись в наличии. Дальнейший прогресс мог еще быть достигнут лишь на пути их оснащения посредством отдельных мелких усовершенствований» (стр. 31—32). Относительно распространения в пределах Империи тех или иных типов пресса, весьма показательны археологические находки в развалинах Помпей, где были обнаружены не винтовые, а канатные прессы, о которых писал еще Катон. Имеется еще ряд новых находок, а также указания античных авторов на их распространение; и чаще старые образцы находят в Италии, а новые за ее границами, т. е. в провинциях (стр. 32). Существует, однако, трудность, не оставляющая полной уверенности в суждениях, — это то, что винтовые прессы делались полностью из дерева, сохраняющегося отнюдь не всегда, а от старых прессов находят многочисленные камни-грузы (стр. 33). Тем не менее «указания самого различного происхождения допускают без сомнения тот вывод, что в период Римской империи были наряду друг с другом в употреблении все существовавшие типы прессов» (стр. 34). Главной причиной подобного сосуществования в более поздней античности было бы то, что не каждый тип пресса в равной степени годился для любого производства, канатный пресс тоже был «существенно улучшен, так что переход от него к винтовому прессу не был во всяком случае непреложным требованием прогресса» (стр. 37).

Значительного применения достигли различные типы винтов и буравчиков также в медицине и строительном деле (стр. 37—44), применялись для работ как по дереву (с I в. н. э.), так и (со II в. н. э.) по металлу.

К периоду конца Республики и ранней Империи, т. е. времени наивысшего расцвета рабства и наибольшего проникновения его в сферу производства, относятся особенно большие достижения в области производства стекла, достигшего в этот период своего наивысшего, возможного в античную эпоху уровня (стр. 47—59). Это проявилось в изобретении бесцветного стекла, открытии и быстром совершенствовании методов стеклодувного производства, что было отличительной чертой античности по отношению к производству цветных стеклянных изделий, которое до этого было хорошо развито на Востоке — Сирии и Египте. Начало производству бесцветного стекла было положено в Александрии в конце третьей четверти I в. до н. э. и стало известно в Риме не ранее 20-х гг. до н. э. (стр. 46). «Что же касается стеклодувного производства, то оно было во всяком случае до эпохи Птолемеев неизвестно». Но именно в эпоху Птолемеев наблюдается резкий взлет стеклодувного производства. Открытие этого способа в Сирии, или, быть может, точнее в Финикии, относится к середине, или даже только ко второй половине I в. до н. э. Попытки исследователей датировать это изобретение более ранним временем — III—II вв. — Кихле отвергает как необоснованные и противоречащие данным археологии (стр. 46—47).

Анализ технического развития в тех областях производства, о которых шла речь, приводит Кихле к следующим заключениям: по своему значению уровень технического прогресса, достигнутый в рассматриваемое время, не только не уступал, но и во многих отношениях превосходил уровень, достигнутый в эллинистическую эпоху.

¹⁸ Ср. В. И. Кузнецов, Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э., М., 1966, особенно стр. 298.

По мнению Кихле, ни тормозящего влияния рабства, ни каких-либо признаков стагнации здесь невозможно обнаружить. Однако именно в этот период был достигнут такой уровень технического развития, который при тогдашнем уровне знаний не мог быть превзойден (стр. 59), временный подъем после «кризиса III в.» не внес ничего существенно нового (стр. 60).

В первой и второй главах II раздела работы Кихле рассматриваются не только вопросы возникновения предприятий, в которых использовались разделение труда и технические средства для повышения уровня производства, но и их производственная структура. Именно при анализе последней наиболее отчетливо и ясно выражены как методологические установки, так и способы аргументации автора. Конкретно рассматривается структура двух производств: стекольного и керамических изделий (*terra sigillata* в Аррецини).

Ведущим типом в производстве стекла были относительно небольшие по размерам предприятия. Это диктовалось как спросом рынка на изделия, представлявшие художественную ценность, так и нуждами самого производства — эффективными были лишь плавильные печи небольших размеров. Нередко, однако, могли встречаться и более крупные по размерам мастерские, где были объединены в комплексе несколько плавильных печей различного назначения и где от индивидуального производства можно было перейти к массовому посредством унификации изделий (стр. 61—62). Крупные предприятия могли иметь свои «дочерние» отделения в других городах и даже за пределами страны¹⁹ (стр. 162—163). «Такое определение структуры производства обязывает нас вновь поднять вопрос о характере занятой здесь рабочей силы». Ни в коем случае, пишет Кихле, нельзя считать обоснованной точку зрения В. Л. Вестермана²⁰, который на основании дошедших до нас сигнатур, сохранившихся на стеклянных изделиях той эпохи, был более склонен к тому, чтобы определять занятых в данном производстве работников как свободных, но не рабов. Кихле ставит под сомнение попытку видеть в этих сигнатурах отражение имен непосредственных производителей; скорее это были имена владельцев таких предприятий, или в лучшем случае мастеров производства, которые чаще всего были рабами — пример Энниона наглядно показывает, что он вовсе не мог быть простым «стеклодувом» (стр. 63, 73). Тот факт, что сигнатуры выливались в форме (а она изготавливалась мастерами), в которой затем отливалось само изделие, лишней раз подтверждает такой вывод. В пользу этого говорит и большая массовость производства и продуктивность таких предприятий, что нелегко для примитивно организованных мелких мастерских (стр. 64).

Фрагментарность дошедших до нас надписей не дает возможности с большой долей вероятности определить количество занятых в одной мастерской рабов-мастеров (условно от 20 до 60), количество же рабов-разнорабочих не поддается определению (стр. 64, 73). Таким образом, в противоположность Вестерману, который был склонен преуменьшать значение рабского труда в античном производстве²¹, Кихле склонен основным непосредственным производителем в рассматриваемых областях производства считать раба. Что касается масштабов производства (заметьте, что Кихле допускает, вероятно, количество занятых работников от 40 до 80, если исходить из минимального (1 : 1) соотношения²² мастеров и разнорабочих. — А. А.), то его расширение было связано, и это не вызывает возражений, со специализацией и ориентировкой на спрос рынка, т. е. на удовлетворение существующей потребности в том или ином виде изделий (стр. 65—67).

¹⁹ Так, некий сириец Эннион имел предприятия по производству стекла в различных частях Империи, в том числе в Кампании или даже самом Риме — это был крупный поставщик изделий из стекла.

²⁰ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, Supplbd. VI, 1935, стб. 1021.

²¹ См. особенно последнюю его работу: W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955; он же, *Sklaverei*, стб. 894—1068.

²² Кстати, примерно такое же соотношение специалистов и неквалифицированной рабочей силы в римском сельском хозяйстве устанавливает В. И. Кузищин (ук. соч.).

тигла своей наиболее совершенной формы; не только в античную, но и вообще в доиндустриальную эпоху она не могла быть усовершенствована (стр. 115, 119—120). Водяная мельница, несмотря на все свои производственные преимущества, не получила в античную эпоху широкого распространения. Однако, полагает Кихле, как нельзя считать рабский труд тормозом для этого открытия, так нельзя считать и значительное сокращение числа рабов в позднюю античность стимулом для его широкого внедрения, ибо и использование ротационных мельниц не зависело от этого фактора (стр. 122).

Единое целое с мукомольным представляло собой хлебопекарное производство. Вслед за М. Ростовцевым Кихле говорит о сотнях работников, рабов и свободных, занятых в хлебопекарнях Рима и его предместий, что было характерно даже для таких средних городов, как Помпеи, где все же оставались преобладающими мелкие и средние предприятия. Хотя использование труда свободных полностью не исключалось, отмечает Кихле, ведущим (как уже подчеркивала Р. Е. Ляст²³) выступал труд рабов (стр. 102—103). Широкое использование рабского труда, характерное для этой отрасли производства, не помешало введению и такого новшества, как применение машины для замешивания теста, которая «с концом античного рабовладельческого общества» исчезла, равно как и ротационная мельница. Их распространение относится к периоду наивысшего расцвета античного рабства (стр. 103—105). В чем же причина того, спрашивает Кихле, что, несмотря на самый высокий уровень хлебопекарного производства в период ранней Империи, широкое внедрение водяных мельниц в производство оказалось все-таки невозможным. Причину этого следует, по его мнению, искать в структуре производства, «ибо введение водяной мельницы разрушило бы сложившееся единство мукомольного и хлебопекарного производства». Лишь там, где требовался помол зерна в особо больших количествах, это единство действительно разрушалось и мукомольное производство выделялось в самостоятельную отрасль (стр. 122—130).

Заслуживает особого внимания еще одно изобретение, о котором идет речь в рецензируемой работе — известная «галльская жнейка» или, как ее называет сам автор, «уборочная машина». Это изобретение относится к середине I в. н. э. и о его широком применении в римской Галлии говорит Плиний Старший (NH, 18, 296). То обстоятельство, что использование этой машины за пределами Галлии нигде более не зафиксировано источниками (стр. 133), объясняется в основном двумя причинами: хлебное поле должно было занимать большие равнинные места и не сочетаться с другими культурами, например, виноградными лозами или садом (Colum. 5, 9, 7); как правило, это были крупные зерновые хозяйства — латифундии, характерные для Галлии. Кихле и здесь не упускает случая сопоставить во времени господство рабовладельческих отношений и это достижение технической мысли древности. Не было никакого недостатка в рабочей силе рабов, который стимулировал бы в этом направлении инженерную мысль, — а значит и не было никакой взаимозависимости этих двух явлений. Однако сейчас можно считать уже, пожалуй, общепризнанным²⁴ тот факт, что латифундиальное хозяйство (а именно здесь, как подчеркивает Кихле, галльская жнейка получила наибольшее применение) менее всего было основано на эксплуатации труда рабов, и поэтому представляется вообще ненаучной попытка играть на таком голом сопоставлении. Действительно решающее значение для распространения «галльской жнейки» имела возможность ее применения в крупных по площади обрабатываемой земли хозяйствах (стр. 134). И не конец рабовладельче-

²³ Р. Е. Ляст, К вопросу о соотношении рабского и свободного труда в ремесле Римской республики I в. до н. э., ВДИ, 1963, № 2, стр. 105.

²⁴ Исследования Е. М. Штаерман, М. Е. Сергеев и В. И. Кузицина внесли решающий вклад в типизацию форм античного производства, в том числе и в решение этой проблемы. См. М. Е. Сергеев, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958; Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964; она же, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, ч. I, гл. 3; Кузицин, ук. соч.

ского общества остановил, как полагает Кихле (стр. 139), процесс «механизации» уборочных работ, а исчезновение, точнее, дробление и сдача в аренду отдельными мелкими участками ²⁵ хозяйств крупных землевладельцев привели к отказу от использования таких механизмов. Заканчивается книга главой «Неиспользованные возможности технического прогресса». Здесь речь идет в § 1 о ветряной мельнице и паровой турбине, к принципу действия которых античная наука и техника уже подошли, но не развили использование силы ветра и пара для производства. Второй параграф главы посвящен военной технике и обнаружившемуся в ней застою, ярким примером чему может служить отказ от дальнейшего усовершенствования катапульт. С точки зрения автора, застойность военной техники, к которой рабы отношения не имели, — яркое свидетельство непричастности рабства к состоянию техники вообще (стр. 171). Таким образом, Кихле, что вообще характерно для его метода, вырывает явление из общего контекста, рассматривая его вне связи со всей окружающей исторической средой.

Приведенные выше примеры показывают, что изымая свои конкретные наблюдения из конкретной же взаимообусловленности явлений, Кихле пытается обратить их в материал для своих спекулятивных построений. Об отдельных примерах мы уже говорили, каково же соотношение между всей суммой приведенных автором наблюдений и его общими выводами?

Действительно, и с этим нельзя не согласиться, эпоха поздней Республики и ранней Империи (до кризиса III в.) отмечена рядом значительных достижений технической мысли древности. К этому времени относится период наивысшего расцвета рабства в рамках римской средиземноморской державы. Но отсюда не следует, что вообще широкое использование труда рабов не могло быть тормозом технического прогресса в древности (ср. стр. 170). Ведь не снятыми остаются вопросы о характере и пределах такого прогресса, возможных в условиях данного общества. Существенно уже то, в каких отраслях производства имело место наиболее широкое внедрение новых технических достижений (прежде всего это строительное дело и отрасли, удовлетворявшие потребительские нужды). Но еще существеннее, что даже и в этих отраслях, как вынужден признать и сам автор, крупное производство по своей технологии едва ли превосходило мелкое или среднее, оно в основе своей тоже базировалось на ручном труде. Его преимуществу заключались в более рациональной организации процесса производства, предполагавшей широкое разделение и интенсификацию труда, а его специализация и ориентировка на объемный рынок давали возможность конкурировать с более устойчивым мелким производством (стр. 99, 113—114). Более того, и эти античные мануфактуры не смогли преодолеть вставшие на пути их развития (стр. 108, 111) трудности, унаследованные от консерватизма мелкого патриархального производства. Многие технические достижения оставались вообще не реализованными на практике; технико-экономический застой, элементы которого проявлялись уже и в предшествующее время, стал всеобщим явлением; постепенно исчезает и вера в возможность дальнейшего технического прогресса.

Объяснение этим явлениям Кихле пытается подыскать, исходя не из наличных возможностей общества, а из отсутствия в нем тех или иных факторов (что не может считаться ответом, но лишь иной формулировкой вопроса). Так, по его словам, отсутствие патентоведения вело к необходимости держать в секрете методы производства; созданию акционерных обществ препятствовало отсутствие гарантий на вкладываемый в производство на корпоративных началах капитал — все это сдерживало переход к массовому индустриальному производству (стр. 110—111). Основную же причину Кихле, как уже упоминалось выше, ищет в совсем иной сфере общественной жизни — в наступившем духовном истощении и господствовавшей системе одностороннего риторико-литературного образования. Носителями духовного обновления, полагает он, становились варвары, не только воспринявшие достижения античной цивилизации, но и шагнувшие далеко вперед (стр. 175). Автор уверяет нас, будто не характер труда и

²⁵ Ср. К у з и щ и н, ук. соч., стр. 269.

не социальная структура общества вообще обуславливали собой технический прогресс, а тот или иной духовный склад общества, «ибо радикально различными социальными структуры IV в. н. э. и эпохи перехода от средневековья к новому времени ни в коем случае не были. Тем, чего не доставало населению Римской империи в IV в., была скорее готовность к инициативе, к овладению новыми путями, которая так отличала европейские народы спустя тысячелетие» (стр. 177). Таким образом, не установление связи между рассматриваемыми явлениями, а, напротив, произвольный разрыв связей между социально-экономической и идеологической сферами жизни общества оказывается основным (относительно не новым и достаточно скудным) доводом автора.

На протяжении всей рецензии мы и старались показать, что хотя в книге Кихле собрано немало фактических данных, основные выводы автора остаются столь же необоснованными, сколь некорректной его полемика.

А. К. Арнольдт

Bibliographie zur Antiken Sklaverei. In Verbindung mit der Kommission für Geschichte des Altertums der Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz) hrsg. von J. Vogt. Red. Bearb. N. Brockmeyer, Bochum, 1971

Если «классическое образование» временами тяготело к замкнутости и догматизму, становясь даже символом косности и застоя, то наука об античности всегда живо откликалась на изменения, происходившие в мире, предлагая тот или иной новый образ античности, отвечавший тем или иным идейным движениям времени. И вот «осовремененная» античность читателей Эд. Мейера тоже уходит все дальше в прошлое, а с ней и недооценка роли рабства в развитии древних обществ¹, так что кембриджский профессор Дж. Крук, автор общего очерка правовой жизни древнего Рима, может с невозмутимостью констатировать: «Литература о рабах велика, и это неудивительно: раб рассматривается многими историками как определяющий фактор экономической, социальной и интеллектуальной жизни античности»². Выпущенная Й. Фогтом и Н. Брокмайером «Библиография античного рабства» и знакомит нас (пусть заведомо неполно) с этой литературой. Несмотря на сугубо практическое предназначение предлагаемого ими издания, оно знаменательно для сегодняшнего состояния мировой науки об античности и бросает свет на картину небезынтересную и поучительную.

Показательно уже само «Введение» издателя к книге, которая, как он надеется, может найти благосклонный прием у исследователей «в столь многих странах как буржуазного, так и коммунистического мира» (стр. VI, столь же показательны и кавычки, поставленные автором при обоих прилагательных). Отмечая, что изучение института рабства долго было в забросе у классистов, Й. Фогт с максимальной краткостью характеризует основные этапы этого изучения, сопоставляя их с проблемами, которые всякий раз ставило время. Так, для гуманистов (чья «humanitas» определяется Й. Фогтом как «новый образовательный идеал для высших слоев общества») отмечается практическое равнодушие к общественно-моральному аспекту

¹ Поворот к внимательному изучению проблем рабства в западной историографии и роль марксистской науки для развития этого направления исследований были отмечены в нашей литературе около десяти лет назад: см. Я. А. Л е н ц а н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 65—92.

² J. A. C r o o k, Law and Life of Rome, Ithaca New York, 1967, стр. 55. А профессор Тасманийского университета П. Вивер открывает свою книгу словами: «В изучении социальной структуры римского мира I—III вв. н. э. нет ничего более важного или более сложного, чем классы рабов и освобожденных рабов» (P. R. C. W e a v e r, *Familia Caesaris*, Cambr., 1972, стр. 1).